
Дипломатическая программа
Международных Лихачевских научных чтений
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДИАЛОГ КУЛЬТУР»

Эмиль Брикс

**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ
ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ**

ВЫПУСК 14

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016

ББК 66.2
Б87

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

- Брикс Э.**
Б87 Политика памяти после холодной войны в Европе. — СПб. : СПбГУП, 2016. — 40 с., ил. — (Дипломатическая программа Международных Лихачевских научных чтений «Международный диалог культур» ; Вып. 14).

ISBN 978-5-7621-0881-2

Лекция посла Австрийской Республики в РФ Эмиля Брикса, прочитанная в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов 25 апреля 2016 года, посвящена отношениям между европейскими странами после Второй мировой войны и в особенности после краха коммунистической системы. Рассматривается история становления Европейского Союза, развития национального самосознания граждан разных стран и проблемы евроинтеграции после «бархатных революций» 1989 года и распада Югославии. Особое внимание уделено вопросам интеграции стран Центральной и Восточной Европы, а также России, без учета интересов которой невозможно создать стабильную и безопасную мировую систему.

Адресовано широкому кругу читателей.

ББК 66.2

ISBN 978-5-7621-0881-2

© Брикс Э., 2016
© СПбГУП, 2016

Посол Австрийской Республики Эмиль Брикс в СПбГУП

Сегодня у нас в гостях Чрезвычайный и Полномочный Посол Австрийской Республики в Российской Федерации господин Эмиль Брикс.

Господин Брикс родился 16 декабря 1956 года в Вене. После окончания Венского университета он получил степень доктора философии по истории, а позднее — диплом магистра философских наук по специальности «преподаватель истории и английской литературы».

Завершение холодной войны пробудило у господина Брикса интерес к дипломатии. Пройдя обучение в Дипломатической академии в Вене, он поступил на государственную службу.

С 1982 по 1984 год Эмиль Брикс возглавлял Клуб менеджмента Австрийского экономического союза, в последующие два года был секретарем Клуба парламентариев Австрийской народной партии. В возрасте 30 лет наш гость стал главой кабинета министра науки Австрийской Республики. Далее служил атташе по культуре Посольства Австрии в Варшаве, затем — Генеральным консулом Австрийского Генерального консульства в Кракове.

В 1995 году господин Брикс был назначен директором Австрийского культурного института в Лондоне. С 2000 года в течение 10 лет он отвечал за культурную политику Австрии за границей сначала в качестве руководителя отдела департамента культурной политики Федерального министерства иностранных дел, затем главы этого департамента.

В 2010 году Эмиль Брикс вновь оказался в Лондоне, но уже в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла Австрийской Республики. С 2015 года наш гость занимает аналогичный пост в Москве. Одной из причин, побудивших господина Брикса принять это назначение, стала, по его словам, роль России в мировом порядке после окончания эпохи коммунизма и холодной войны.

Своей главной задачей на новом посту он считает привнесение весомого вклада Австрии в развитие доверительных отношений между Россией и Западом. Наилучшим способом для этого, по мнению господина посла, должно стать развитие проектов, которые продемонстрируют, что наша страна является частью европейской системы ценностей.

В сознании среднестатистического россиянина Австрия — это горнолыжные курорты, тирольские луга, Альпы и вальсы Штрауса. Эмиль Брикс намерен расширить наше представление. Ведь Австрия благодаря своему географическому положению и великой истории лежит в точке пересечения многих европейских традиций. Здесь превосходная система образования. В Венском университете, которому более 650 лет, обучаются свыше 90 тыс. студентов.

По прибытии в Россию господин посол был приятно удивлен тесным сотрудничеством между австрийскими фирмами и российским бизнесом. Несмотря на политику санкций Евросоюза в отношении нашей страны, год назад австрийские инвестиции превышали 8 млрд евро.

К сожалению, нынешний политический климат не слишком благоприятен для экономического сотрудничества. Однако подавляющее большинство австрийских компаний, присутствующих на российском рынке (а их насчитывается около 500), продолжают свою работу. Это банковская сфера, строительство, изготовление комплектующих для автомобилей, производство машин и оборудования, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность. Растет привлекательность таких направлений, как создание экологически чистых производств, использование биотехнологий.

Существенным элементом взаимоотношений между нашими странами был и остается туризм. Россия входит в десятку государств, обеспечивающих наибольший приток туристов в Австрию. При этом Посольство Австрийской Республики в Москве сталкивается с самым большим наплывом желающих оформить визу. В связи с ухудшением экономической конъюнктуры этот поток несколько сократился, но (господин посол особо подчеркивает это) отношение австрийцев к россиянам несколько не изменилось, они по-прежнему рады видеть нас у себя.

Являясь членом Евросоюза, Австрия в полной мере разделяет его проблемы. «Европейский Союз, — говорит Эмиль Брикс, — сейчас тоже находится в сложном положении. Каждый его член хочет быть полноценной частичкой империи, но без центра, из которого бы им управляли. Своеобразная империя без императора, а также без единой культуры и идеологии. Неясно, что из этого получится, но попытка интересная».

Отмечу, что наш гость не вполне обычный дипломат. В одном из интервью он сказал: «Я принадлежу к тому кругу лиц, которые работают и на правительство, и на оппозицию». Согласитесь, нечасто приходится слышать подобное от человека на государственном посту. Тем интереснее будет узнать мнение господина посла по насущным вопросам современной политики.

Эмиль Брикс знаком с русским искусством, как классическим, так и современным. Он читает Мандельштама и Ахматову, Гоголя и Булгакова, Сорокина и Ерофеева. Его любовь к русской культуре началась еще в гимназии, где будущий дипломат написал выпускную работу по повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Отличительной чертой русской культуры, по мнению господина Брикса, является тесная связь с политикой, идеологией, гражданственностью. Взаимодействие общества с государством в сфере культуры — один из тех вопросов, которым наш гость уделяет особое внимание.

Господин посол убежден: «Все, что должно сделать государство, — обеспечить рынок сбыта тому, что мы считаем “хорошей литературой”, “хорошим театром”. Качество определяют только художники и аудитория, чей уровень восприятия зависит прежде всего от уровня образования. Я всегда на стороне художников и убежден, что государство не вправе выносить запретительные вердикты, каким бы воплощением “дурного вкуса” произведения ни представлялись». В одном из интервью Эмиль Брикс выразился еще конкретнее: «Если в условиях перестройки в какой-то период начинает преобладать дурной вкус (хотя кто его оценил?), значит, так и должно быть в это время».

Не могу сказать, что вполне разделяю подобную точку зрения. Тут мы с господином послом могли бы поспорить. Впрочем, наш гость сам признает, что его позиция не самая популярная. Но в чем я полностью с ним согласен — так это в том, что уровень восприятия культуры в стране всецело зависит от уровня образования.

Помимо дипломатической работы, Эмиль Брикс активно занимается научными исследованиями. Он автор многочисленных трудов по истории Австрии и Европы, с 2000 по 2010 год выполнял обязанности

генерального секретаря Австрийского научно-исследовательского общества, возглавляя группу по разработке путей политического укрепления гражданского общества в Австрии, в 2007–2008 годах был президентом Объединения институтов культуры стран Европейского Союза. С 2011 года господин Брикс — действительный член Польской академии искусств и наук.

Его достижения в области научных исследований высоко оценены. Наш гость был избран Почетным доктором Технического университета румынского города Клуж-Напока и Дрогобычского университета на Украине. Он удостоен почетной премии им. Хенрика Вережицки и Вацлава Фельчака Польского исторического общества в Кракове, премии Антона Гиндели за публикации по истории Дунайской монархии, Европейской культурной премии «Новая культура в Новой Европе». Награжден медалью *Gloria Artis* Международного культурного центра в Кракове.

Впервые Эмиль Брикс посетил Санкт-Петербург в 1994 году. Его любимые места в нашем городе — Эрмитаж и Павловский дворец. В Москве он любит проводить свободное время в Парке культуры и отдыха им. М. Горького или на Патриарших прудах. Господин посол ценит и понимает музыку, он частый гость в Московской консерватории им. П. И. Чайковского. Также интересуется архитектурой, игрой в шахматы, много читает. Его супруга Элизабет, с которой они познакомились на одном из семинаров по истории в Венском университете, по профессии педагог.

А. С. Запесоцкий,

*член-корреспондент Российской академии наук, ректор СПбГУП,
доктор культурологических наук, профессор*

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ

Спасибо, что пригласили меня поделиться соображениями относительно возвращения Европы к исторической политике в период геополитического перехода. Для меня большая честь участвовать в Дипломатической программе Чтений, посвященных памяти академика Дмитрия Лихачева. Этот великий ученый на протяжении всей своей жизни, со времен тюремного заключения на Соловецких островах до борьбы за сохранение культурного наследия в период президентства Горбачева и Ельцина, активно участвовал в дебатах, посвященных исторической политике. Эта тема и сегодня остается во всех отношениях актуальной и значимой.

Позвольте начать с цитаты из статьи министра иностранных дел России Сергея Лаврова об исторической перспективе внешней политики России, опубликованной в марте 2016 года: «Укоренившийся на Западе в связи с распадом Советского Союза миф о победе в холодной войне оснований под собой не имеет. Это была воля народа нашей страны к переменам, помноженная на неблагоприятное стечение обстоятельств»¹. Верна ли эта оценка? Что это — ревизионистский подход или правомерное требование России признать ее великой державой? Актуально ли это с точки зрения позиции России в Европе и мире и для сегодняшних политических решений, или это лишь вскользь брошенное замечание дипломата высокого уровня, интересующегося историей? Во всем мире, а особенно в Европе, вы получите разные ответы на эти вопросы, потому что существуют различные официальные версии краха коммунистического режима в Европе и модели биполярного мира.

¹ Лавров С. Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. 2016. № 3.

В 1989 году окончание холодной войны и разделение Европы на Восток и Запад не просто изменили политическую, экономическую и социальную интеграцию Европы. 1989 год имел долговременные последствия для исторической конфигурации Европы. 1989 год ознаменовал конец послевоенной Европы, но не сразу стало ясно, чем можно заменить непосредственный опыт Второй мировой войны, который выступал для Европы в роли исторической основы. Конкурирующие трактовки колебались от «конца истории» (Фрэнсис Фукуяма) до «возвращения истории» и геополитического «неореализма», основанного на предполагаемом «столкновении цивилизаций» (Сэмюэл Хантингтон).

Неудивительно, что интеллектуальный вакуум, образовавшийся после крушения коммунистического режима и многонациональных государств, таких как Советский Союз и Югославия, привел к новому увлечению старыми концепциями формирования национального самосознания. Возросла популярность моделей развития общества с опорой на культурные концепции национальной памяти¹, географии², языка, веры. В конце 1980-х в Берлине и Вене все еще воздвигали монументы, чтобы увековечить память жертв холокоста, а начиная с 1990 года такие страны, как Польша, Эстония и Украина, сносили мемориалы эпохи коммунизма лишь для того, чтобы заменить их памятниками в честь национальных героев. В частности, в Польше появились многочисленные памятники Святому Иоанну Павлу II.

Споры о «правильной» коллективной памяти также обнажают основополагающие различия между европейскими странами, которые вновь заставили говорить о себе после окончания холодной войны. Основные тенденции следующие. Западная Европа (особенно Соединенное Королевство) и Россия по-прежнему относятся ко Второй мировой войне как к победе над нацизмом. Европейские страны Средиземноморского региона (Испания, Италия, Греция) пытаются понять и решить проблему появления в них тоталитаризма в XX веке. Центральная и Восточная Европа ста-

¹ *Hosking G. Myths and Nationhood / G. Schöpflin (ed.). L., 1997.*

² См.: *Soja E. W. Postmodern Geographies. The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L. ; N. Y., 1989.*

раются возродить свою идентичность на основе концепций подавленного национального единства (с последующим напряжением в отношениях с соседними государствами — Словакией, Венгрией, Румынией, Македонией, Украиной и др.). Эти различия стали фоном для недавних политических и экономических изменений в Европейском Союзе в связи с экономическими потрясениями, возобновившейся конфронтацией с Россией и миграционным кризисом, который ведет к тому, что можно назвать новой и значительной переоценкой национальных интересов многими странами — членами ЕС, а также Россией.

Очевидно, что 60 лет европейской интеграции не сформировали всеобъемлющего европейского самосознания с общепринятыми паттернами коллективной памяти. Большинство людей (и элит) предпочитают рассматривать свою нацию как основной ориентир для самосознания. Европа — это все еще не заверченный проект общественного развития, а сообщество культурно воспроизводится с помощью коллективной памяти. Нет ни одного сообщества без коллективной памяти о прошлом, особенно во времена значительных политических и экономических перемен.

Интеллектуальный ответ на 1989 год

Когда в 1989 году был поставлен крест на биполярной модели мира, не сразу стало ясно, что это означает для паттернов коллективной памяти Европы. Первые знаки относительно того, как оценивать фундаментальный сдвиг парадигмы, вскоре были отвергнуты как преждевременные или неверные, за исключением вердикта Эрика Хобсбаума об окончании «короткой эпохи крайностей» (1918–1989). Через двадцать пять лет после окончания холодной войны в Европе по-прежнему существуют конкурирующие позиции — либеральная и консервативная.

Либеральная точка зрения уделяет особое внимание этическим аспектам, распространению демократии и свобод. По мнению влиятельного британского историка Тимоти Гартон-Эша, история Европы — это история успеха в расширении территории свободы: «Если мы свободны, то можем работать с другими свободными

людьми на благо свободного мира. Ничто не остановит нас, кроме стен невежества, эгоизма и предубеждения... их строят умы, умы их и сокрушают»¹.

Консервативная позиция более скептична и уделяет особое внимание «возвращению истории и концу мечтаний» (Роберт Каган). Американский политический аналитик Каган задает тон консервативной школе «реалистов»: триумф демократии 1945 и 1989 годов «не должен продолжаться»². Он цитирует Ганса Моргентау, который предупреждал: нельзя вообразить, будто «занавес окончательно опустится, и в игры силовой политики больше никто не будет играть»³.

А что же произошло с левыми? В своей книге «В защиту проигранных дел» радикал философ-неомарксист из Словении Славој Жижек пишет об этом: «На уровне здравого смысла максимум, чего они могут добиться, — просвещенный консервативный либерализм: разумеется, нет ни единой жизнеспособной альтернативы капитализму. <...> То, что лежит за этой чертой, включает “рывок веры”, веру в проигранное дело, дело, которое в атмосфере скепсиса может показаться исключительно безумным»⁴.

В Европе и других уголках западного мира столь разные подходы к анализу политики после холодной войны привели преимущественно к формированию двух возможных направлений поиска «лекарства» или общих стратегий, чтобы как минимум понять суть нового, развивающегося мира. Большинство политических аналитиков снова начинают интересоваться человеческой природой, что во многом соответствует традициям греческой философии. Каковы люди по своей природе — только ли агрессивны, бездуховны, прагматичны и корыстны? Или же мы — вид, способный к сопереживанию, как предположил Джереми Рифкин в своей последней книге о «цивилизации, основан-

¹ *Garton Ash T.* Free World. America, Europe, and the Surprising Future of the West. N. Y., 2004. P. 13.

² *Kagan R.* The Return of History and the End of Dreams. N. Y., 2008. P. 105.

³ *Morgenthau H. J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1948. P. 20.

⁴ *Zizek S.* In Defence of Lost Causes. L. ; N. Y., 2008. P. 2.

ной на эмпатии»¹? Переходным периодам свойственны психологические объяснения истории человечества, они также являются необходимым элементом в арсенале и прогрессивных интеллектуалов, и консерваторов. В то же время существует множество теорий социальной инженерии. Ключевые слова, такие как «доверие», «сплочение нации», «гражданское общество» и «мягкая власть», указывают на возобновление интереса к тому, что представляют собой общества и какие эмоциональные связи необходимы для общественного развития.

На глобальном уровне смена парадигмы в 1989 году заключалась не только в окончании послевоенного разделения мира на Восток и Запад, но и в том, что пришел конец колониальным взглядам на мир. Подъем «новых держав» (преимущественно азиатских) и споры по поводу «исламской цивилизации» стали вызовом для сформировавшегося после 1989 года убеждения, что мы живем в новую эпоху «единого мира», в котором доминирует одна оставшаяся сверхдержава. По-видимому, Америка будет главенствующей державой еще много лет. Однако все чаще говорят, что «умы Запада не сумели предугадать, что вместо триумфа Запада 1990-е увидят конец господства Запада в мировой истории (но не конец Запада) и возвращение Азии»².

Исторические воззрения в ЕС по-прежнему странным образом не связаны с глобальными изменениями и сосредоточены преимущественно на внутренних проблемах общественного развития непосредственно в Европе. С 1989 года во всей Европе возобновился интерес к исторической политике с целью формирования самосознания, но история, которую реконструируют сознательно, связана преимущественно с национальной идентичностью и вопросами этнической принадлежности³, а не с ролью Европы в мире.

¹ *Rifkin J.* The Empathic Civilization. The Race to Global Consciousness in a World in Crisis. Cambridge, 2009.

² *Mahbubani K.* End of Whose History? Op-Ed Contribution // International Herald Tribune. 2009. 11 Nov. Opinion sect.

³ См.: Rückkehr der Geschichte // Transit. Europäische Revue. Frankfurt a. M., 1991. Bdch. 2.

Основные изменения в национальных идеях стран Европы после 1989 года — это попытки отреагировать на постоянные проблемы, связанные с возрождением национальной жизнеспособности, возобновлением интереса к различным формам общественного развития от местного уровня до европейского, иммиграцией из неевропейских стран, а также на проблему перехода от состояния «железного занавеса» к бесчисленному множеству наслаивающихся друг на друга границ. Это может повлечь за собой переход от европейских национальных идей, определенных в 1945 году, к идеям 1918 года (от времен Второй мировой войны ко временам Первой), и от идей 1789 года к идеям 1683-го (от Французской революции к осаде Вены османами).

Как жить с исторической политикой и политикой идентичности

Возобновившиеся сегодня обсуждения исторической политики и политики идентичности — это реакция на восприятие двойного исторического отрицания (отрицания пространства и времени) в западной цивилизации: социальная парадигма XX века (включая коммунизм) основывалась на линейном развитии с учетом скорости, роста и единообразия. Процессы глобализации увеличили сходство до уровня «глобальной деревни» (смерть расстояния) во всех аспектах, кроме культурных традиций.

Нет ничего удивительного в том, что, когда прекратилось разделение мира на Восток и Запад, именно в Европе возрастающая скорость изменений запустила механизм переоценки культурного наследия (истории и географии) и множественности и дифференциации культурно-национальных идей: *«Распознавать в аду тех и то, что не имеет к аду отношения, и делать все, чтобы не-ада в аду было больше, и продлился он подольше» (Итало Кальвино)*¹.

События, произошедшие в 2014 году на Украине, и последовавшие за ними аннексия Крыма и конфликт в Донбассе отчетливо продемонстрировали, что идеологическое разделение на Восток и Запад прошлых лет, может, и окончено, но неочевидные про-

¹ *Calvino I. Invisible Cities. L., 1974. P. 10.*

блемы на нашем континенте все еще существуют. Стало понятно, что сложная история Центральной и Восточной Европы не закончилась в 1989 году или с расширением ЕС на восток. Говорят даже о новой холодной войне между Европой и Россией. К сожалению, вернуться к прежним шаблонам можно очень легко. Сейчас многие на Западе воспринимают Россию как угрозу, а также как силу, которая привносит нестабильность на европейский континент. В России некоторые, напротив, предупреждают, что Европа не действует как независимая сторона, а скорее продвигает политику США, направленную на то, чтобы поставить Россию на колени и навязать так называемые европейские ценности, несовместимые с российским самосознанием.

История между созданием сообществ и просвещением

С момента окончания идеологического разделения Европы история, особенно политическая, снова стала выступать в двух ролях: как образовательный фактор и как способ объяснения общественного развития. С падением тоталитарного режима в Центральной и Восточной Европе история снова стала свидетелем целостности обществ и их способности к обучению.

С 1989 года восприятие истории как инструмента просвещения соревнуется с отношением к истории как к средству формирования общественного сознания (в государственном масштабе и на уровне этнической принадлежности). Один из симптомов заключается в том, что когда-то запретные темы сегодня открыто обсуждаются обществом, а образование и формирование коллективного самосознания все чаще рассматриваются как сопутствующие вопросы. Поэтому история может снова стать фактором политических кризисов (например, вопросы о роли этнических и государственных образований в становлении национал-социализма или об этнически обусловленных массовых депортациях после Второй мировой войны). Впрочем, это говорит еще и о том, что образовательная функция истории также приобретает определенное значение в том, что касается создания сообществ, не только в качестве официальной историографии, но часто еще и как разрушителя мифов.

Юрий Андрухович, автор из Западной Украины, писал: «У нас слишком много мифов. В этой части земли историю в некоторой степени заменяет мифология; устные семейные предания важнее и достовернее, чем учебники. В конце концов, здесь даже история как таковая — не более чем вариант мифологии»¹. Австрийский писатель Элиас Канетти неизменно подчеркивал двойственность функций истории и ее зависимость от текущей ситуации. Кроме того, он всегда придерживался принципа: не соглашайтесь на остановки, оценивайте все как крайний случай и сохраняйте настойчивость в отношении фактов.

К сожалению, в условиях напряженных отношений между Европой и Россией за обеими сторонами замечена тенденция представлять историю в определенном свете, который соответствует требованиям текущей политики. Для России с начала 2000-х история приобрела еще большее значение. В 2013 году началась работа над «унифицированным» учебником истории. В 2014 году был принят закон об административной ответственности за отрицание победы СССР в Великой Отечественной войне и искажение данных, касающихся действий Советской армии. Когда в прошлом году директор Государственного архива представил документы, согласно которым история о двадцати восьми героях-панфиловцах является скорее всего мифом, а не историческим фактом, власти подвергли его критике, заявив, что главные архивариусы должны ограничить свою деятельность работой с документами и предоставить их толкование другим. Использование истории в политике — вопрос щепетильный, а ее неверное толкование представляет опасность. Вместо того чтобы присваивать историю для формирования новых линий раздела в Европе, политикам и историкам стоит начать честное и открытое обсуждение. Хороший пример в этом отношении — совместные комиссии историков, подобные созданной в 2007 году Австрией и Россией.

Поиск европейских исторических паттернов необходимо рассматривать в контексте особенностей европейской интеграции с 1989 года.

¹ *Andruchowytch J. Das letzte Territorium : essays. Frankfurt a. M., 2003. S. 82.*

1. Процесс европейской интеграции после 1945 года намеренно не затрагивал культурные аспекты. С 1989 года значительное распространение получила идея необходимых «эмоциональных связей» (Ральф Дарендорф: «Европа — холодный проект»), таким образом европейский проект получил широкую поддержку (скорее среди аналитиков, чем среди политиков).

2. В результате возобновился интерес к исторической политике, к вопросам, связанным с национальным самосознанием и границами. В то же время набирают силу радикальные политические партии, играющие на «страхе соседства».

3. Все важнейшие представления о европейских традициях и перспективах связаны с проблемой границ. Если и есть некая особенность, которую можно выявить во множестве традиций европейского сотрудничества, то это вопрос о том, как Европа поступает с границами — внутренними и внешними, реальными и воображаемыми. Разработали ли европейцы особую этику в отношении границ? Основной вопрос заключается в том, чтобы не воспринимать границы как национальные маркеры или линии, разделяющие разные народы, а рассматривать их как зоны перехода между нациями, у которых есть нечто общее. Континенту, который гордится своим культурным разнообразием, стоит поработать над тем, чтобы границы служили для интеграции, а не для раскола. Европе предстоит многое сделать, чтобы найти баланс между центром и периферией. Но кто решает, где центр, а где периферия Европы? Что лежит в основе национального или европейского самосознания и какие решения в связи с этим принимает центр или периферия?

4. Необходимо, чтобы европейцы обсудили свой «общий дом» с точки зрения потенциальной международной солидарности и международного конфликта. Будущее Европы будет скорее всего решаться на периферии, а не в столичных коридорах власти. Множество видимых и невидимых границ превращает всех нас в соседей и может заставить европейцев воспринимать границы как пространство для перехода. В Европе можно прийти к следующему положению: границы — это нестабильные маркеры идентичности, даже если у них есть материальная форма, как

у Берлинской стены или так и непостроенной стены в чешском городе Усти-над-Лабем, которую собирались возвести, чтобы отделить римское население от не-римлян.

5. Европа продвинулась на восток. Сегодняшний кризис самой европейской идеи часто рассматривают как запоздалое последствие фундаментальных перемен 1989 года. После краха коммунизма Европа не разработала общего видения своего будущего, а просто попыталась расширить западную модель европейской интеграции.

6. Можно ли трактовать основные социальные тенденции Европы (концепции устойчивости, мобильности рабочей силы и капитала, ориентация общества и экономики на услуги, дрейф в сторону общества знаний, местная конкуренция/творческая среда, гражданское общество/общественный капитал, свободное общество и распространение цифровых технологий) как творческий пересмотр прошлых открытий?

7. Конференции правительств и экспертов посвящаются продвижению европейской идеи, которая могла бы привлечь к «Европейскому проекту» 500 млн человек. Австрийский писатель Элиас Канетти, вероятно, назвал бы обсуждаемые сегодня национальные идеи неудобоваримой смесью иллюзий и угроз, новой формулой для толпы и власти. Популярны рассказы о «якобы особых европейских ценностях» (демократии, рыночной экономике и нормах права), «крепости Европы» (с ключевыми словами «глобальный игрок» и «наиболее конкурентоспособная экономика») и о том, как Европа лишилась своего врага (коммунизма), а теперь ищет новую «душу Европы», но в процессе сталкивается в основном лишь с новыми врагами из-за границы (беженцами, исламистами, террористами). Если таким образом повторно сочиняются европейские сказки, то неудивительно, что большинство стран — членов ЕС видит угрозу в желании таких стран, как Турция и Украина, стать частью Европейского Союза. Европа поощряет «страх контакта», поскольку не может сформулировать общую идею, которая заключалась бы в чем-то большем, чем просто экономический интерес. После 1945 года «воодушевляющая» идея о мире и согласии между европейскими нациями ознаменовала начало

европейской интеграции. Тот факт, что Европа преодолела идеологические границы в 1989 году, вызвал энтузиазм, достаточный, чтобы 15 лет спустя понять, насколько значительно расширился Европейский Союз на восток.

8. С точки зрения Австрии основные культурные задачи, стоящие сегодня перед ЕС, таковы: полноценно интегрировать все Балканские страны в Европейский проект, отказаться от использования так называемых «неочевидных культурных проблем» в контексте решений о дальнейшем расширении Евросоюза, решить проблемы мигрантов и мусульманского населения в Европе, рассматривая их не только как потенциальные или реальные риски для безопасности, избежать для европейских стран выбора «или-или» в отношениях между ЕС и Россией, а также провести с Россией переговоры о заключении нового справедливого соглашения о партнерстве, которое позволит всем перейти от политики сдерживания к диалогу.

Новая карта Европы

Проблемы глобализации, опыт «другой» Европы, а также потенциал городов и регионов, который напоминает людям о том, что границы — это создаваемые зоны перехода, представляют новую задачу для политики и самосознания. Видение перемен должно давать ответы на возобновившиеся обсуждения геополитики: возвращение истории и географии может восприниматься как попытка «придать форму» памяти (Эдвард Соджа). Новая карта Европы нуждается в структурах (порядке), которые позволят сообществам с многообразной историей и потенциалом сохранить своеобразие (язык, религию, миграцию) в процессе интеграции.

Перспективы Европы за рамками глобализации

Все возрастающий объем знаний о прошлом (Алейда Ассман) вызывает потребность в сложных свойствах коллективной памяти — одновременно устойчивой и открытой для изменений, допускающей разнообразие и отклонение от курса. Исторические

направления развития Европы, по-видимому, обеспечивают актуальный взгляд на новое видение Европы. Европу делает привлекательной то, что этот континент может мирно сохранять разнообразную и зачастую противоречивую коллективную память, что Европа постоянно предоставляет возможность для социальных, экономических и культурных изменений в консервативных местах с древней историей, что Европа, по-видимому, создала нечто вроде системы заблаговременного предупреждения, чтобы сохранить на повестке дня баланс материального и символического содержания цивилизаций.

Успех Европы в XXI веке будет зависеть преимущественно от того, что она сможет предложить в качестве «воображаемого пространства», привлекательного в силу того, что обещает «наследие», открытый доступ (интеграцию) и функциональное многообразие, не уступая в вопросах прав человека и экономической конкурентоспособности.

На данный момент последствия изменений паттернов коллективной памяти в Европе после 1989 года большей частью позитивны, хотя и противоречивы. Значительно вырос интерес к местному самосознанию (европейцы могут выбрать один из нескольких слоев коллективной памяти, включая ксенофобские варианты). Обсуждение Европы как культурного проекта неизбежно (что подразумевает изоляцию как один из вариантов). Более сильные гражданские общества могут помочь наилучшим образом внедрить передовые взгляды на вопросы, связанные с холокостом и расовой дискриминацией, но более активное участие гражданских обществ в политических процессах может привести к тому, что вместо просвещения на тему геноцида первостепенной задачей политического образования станет интеграция мусульман.

Все эти проблемы складываются в общую картину в аспекте ясной великой национальной идеи Европы. Конкурирующие подходы варьируются от «распространения свободы» (борьба с тоталитарными режимами) до «единства в многообразии» (способности задавать общие демократические рамки без навязывания унификации) и идеи «предназначения», которое заключается в налаживании мирного диалога между цивилизациями

(обеспечение и усиление роли просвещенного глобального игрока), а также «особой европейской социальной модели» (гарантия ценностей социально-рыночной экономики в период экономического кризиса).

Несмотря на сегодняшние разговоры о новой холодной войне, есть шанс, что Россия внесет свой вклад в эту великую национальную идею. Чтобы способствовать этому процессу, Запад должен принять во внимание то, что министр иностранных дел Лавров недавно назвал исторической перспективой внешней политики России, отметив «особую роль России в европейской и мировой истории». По словам Лаврова, основные исторические национальные идеи России представляют собой следующие положения, на которых должна основываться внешняя политика России. Европа всегда пыталась изолировать и «облагородить» Россию. Как показала история, заложить стабильную и безопасную мировую систему можно только при участии России. Главная задача США — обеспечить себе мировое господство. Только Россия может сокрушить любое негативное мировое господство (Наполеон, Гитлер, США)¹. Есть ли у столь романтических национальных идей поддержка в виде прозаичных и реалистичных целей? Может быть, но мы должны принять их во внимание при обсуждении исторических паттернов в Европе.

Высказав жесткую критику в адрес «исключительности» исторической национальной идеи Лаврова, исследователь из Ноттингемского университета заявляет, что историческая национальная идея служит лишь для того, чтобы оправдать сухую «прагматичную политику»: «В конечном счете российские политики вполне рациональны и в первую очередь беспокоятся о выживании и благополучии собственного государства и режима. Они действуют в рамках структурных ограничений этого порядка и продолжают до тех пор, пока это позволяет военная и экономическая мощь России и пока это продиктовано интересами государства. Так что политикам на Западе стоит определить и зафиксировать эти области интересов, а не обращать чересчур много внимания на национальные идеи, психоанализ, культурную идентичность

¹ Лавров С. Указ. соч.

и тому подобное, даже если российские политики представляют их как официальную идеологию»¹.

Боюсь, я вынужден не согласиться. Нравится нам это или нет, но в переходный период было бы трагической ошибкой не обращать внимания на такой значимый для мирового порядка фактор, как исторические паттерны.

¹ *Sumantra Maitra*. The Deceptively Romantic Historical Musings of the Russian Foreign Minister. URL: <http://warontherocks.com/2016/04/the-deceptively-romantic-historical-musings-of-the-russian-foreign-minister/>

Emil Brix, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Austrian Republic in the Russian Federation, at SPbUHSS

Please welcome our guest Mr. Emil Brix, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Austrian Republic in the Russian Federation.

Ambassador Brix was born on December 16, 1956, in Vienna. After graduating from the University of Vienna, he received a PhD degree in history and later a Master degree in Philosophy as “teacher of history and English literature”.

The Cold War end made Mr. Brix become interested in diplomacy. After studying at the Diplomatic Academy in Vienna, he joined the civil service.

From 1982 to 1984, Emil Brix was the chairman of the Austrian Economic Union Management Club and, in the next two years, he became a secretary of the Club of Parliamentarians at the Austrian People’s Party.

At the age of 30, our guest became the Head of the Cabinet of the Minister for Science and Research of the Austrian Republic. Then he served as an Attaché for culture at the Embassy of Austria in Warsaw and as Consul General of the Austrian Consulate General in Krakow afterwards.

In 1995, Mr. Brix was appointed the Director of the Austrian Institute for Culture in London.

Since 2000 and over the next 10 years, he was responsible for the cultural policy of Austria abroad: first as the Head of a unit at the Department of Cultural Policy of the Federal Ministry of Foreign Affairs and then as the Head of this Department.

In 2010, Emil Brix returned to London, but as Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Austria.

Since 2015, our guest has been holding the similar office in Moscow.

One of the reasons guiding Mr. Brix to accept this appointment was, as he says, Russia's role in the world order after the end of communism and the Cold War.

He defined his principal objective in his new office as introduction of the weighty Austrian contribution to the development of trust between Russia and the West. The Ambassador believes that the best way to solve it lies in the development of projects that would demonstrate that our country forms part of the European system of values.

An average Russian imagines Austria as a ski resort with Tyrolean meadows, Alps and Strauss waltzes. Emil Brix intends to expand this notion. After all, due to its location and the great history, Austria lies at the intersection of many European traditions. The country is proud of its excellent education system. 90 thousand students study at the University of Vienna, which is more than 650 years old.

However, economy is the basis for relations between the two countries. When Mr. Ambassador's first arrived in Russia, he was pleasantly surprised by a large number of contacts between Austrian and Russian companies. Despite the policy of the EU sanctions against Russia, the Austrian investments exceeded the mark of EUR 8 billion a year ago.

Unfortunately, the current political and economic climate is not very favourable for economic cooperation. However, the vast majority of Austrian companies present in the Russian market (about 500) continue their work in the sectors of banking, construction, manufacturing of car components, machinery and equipment, woodworking and pulp and paper industry. The appeal of such areas as the development of environmentally friendly production and the use of biotechnology grows.

Tourism has been and still is an essential element of relations between the two countries. Russia is among the ten countries providing the highest influx of tourists in Austria. Herewith, the Embassy of Austria in Moscow faces the world's largest influx wishing to get an entry visa. Due to the deterioration of the economic environment, this influx decreased slightly, but Mr. Ambassador emphasizes that the attitude of Austrians to the Russians did not change and they are still excited to meet them in Austria.

As a member of the European Union, Austria fully shares its problems, the number of which has grown recently.

Emil Brix says, "The European Union is now in a difficult situation as well. Each member wants to be a full part of the empire, but without a ruling centre, a kind of an empire without an emperor and without a single culture and ideology. The outcomes are not quite clear, but the attempt is interesting."

I would like to note that our guest is not an ordinary diplomat. In an interview, he said “I belong to that group of people who work both for the government and its opposition.” You don’t hear such words from a person holding a state office often, do you? This is why it is more interesting to know the opinion of Mr. Ambassador on the vital issues of contemporary politics.

Emil Brix is well acquainted with Russian art, both classical and modern. He reads Mandelstam and Akhmatova, Gogol and Bulgakov, Sorokin and Yerofeyev. His love to Russian culture developed back in high school, where the diplomat to be wrote a graduation thesis on the novel by Solzhenitsyn “One Day in the Life of Ivan Denisovich”.

A distinctive feature of Russian culture, according to Emil Brix, is close relationship with politics, ideology and citizenship. The interaction between society and the state in the field of culture is one of the issues that our guest pays special attention to.

Mr. Ambassador is convinced that “Everything that the state shall do is providing a marketing area to something that we consider “good literature”, “good theatre”. Only the artists themselves and consumers determine the concepts of quality and their level of perception depends primarily on the level of education. I always take the side of the artists and am convinced that the state has no right to pass prohibitive verdicts, whatever the embodiment of “bad taste” a product could represent.”

In an interview Emil Brix was even more specific saying that “If under restructuring, the bad taste starts dominating in a specific time period (But who said that?), then it should be this way at the time.”

I cannot say that I fully share this view. Here, we could argue with Mr. Ambassador. However, our guest himself admits that his position is not the most popular one. Even though, I completely agree with him that the level of culture perception in the country is entirely dependent on the level of education.

In addition to diplomatic work, Emil Brix is engaged actively in research. He wrote numerous works on the history of Austria and Europe. From 2000 to 2010, he served as general secretary of the Austrian Research Society heading the group for developing ways of civil society political strengthening in Austria. In 2007–2008, he was the president of the European Union National Institutes for Culture. Since 2011, Mr. Brix is a member of the Polish Academy of Sciences and Arts.

His achievements in the field of scientific research received awards and honorary degrees. Our guest was elected Honorary Doctor of the Technical University of Cluj-Napoca, Romania, and the University of Drohobych, Ukraine. He was awarded the honorary prize of Henrik Verezhitski and Vaclav Felczak of Polish Historical Society in Krakow, the Anton Gindeli Prize for

publications on the history of the Danube monarchy and the European Cultural Prize “New Culture of New Europe.” He was awarded the Gloria Artis medal of the International Cultural Centre in Krakow.

Emil Brix first visited Russia, namely, St. Petersburg, in 1994. His favourite places in our city are the Hermitage and the Pavlovsk Palace. In Moscow, he likes to spend time in the Gorky Park, as well as at the Patriarch’s Ponds.

Mr. Ambassador loves music. He is a frequent guest at the Tchaikovsky Moscow Conservatory. However, the music is not his only hobby. Our guest is also interested in architecture and chess; he reads a lot.

His wife, Elizabeth whom he had met at a history seminar at the University of Vienna is a teacher.

Today, our guest lectures on the topic “Memory Policy after the Cold War in Europe.”

Alexander Zapesotsky,

*corresponding member of the Russian Academy of Sciences,
President of St. Petersburg University of the Humanities
and Social Sciences, Dr. Sc. (Cultural Studies), Professor*

POLITICS OF MEMORY IN POST COLD-WAR EUROPE

Thank you for your invitation to present some thoughts about the resurgence of politics of memory in Europe in times of geopolitical transition. It is an honour to contribute to a lecture series which celebrates the great Russian cultural historian Dmitry Likhachev. Throughout his life, from his time in the prison camp on Solovetsky Islands to his fight for the preservation of cultural heritage during the presidencies of Gorbachev and Jelzin, Likhachev was strongly involved in debates about politics of memory. Also today it is in every respect a relevant and topical subject.

Let me start by quoting from a long article about the historical background of Russia's Foreign Policy which the Russian Foreign Minister Sergey Lavrov published in March 2016: "There is no substance behind the popular belief that the Soviet Union's dissolution signified Western victory in the Cold War. It was the result of our people's will for change plus an unlucky chain of events"¹. Is this assessment true or false? Does it reveal a revisionist attitude or is it the rightful claim that Russia should be respected as a great power? Is all this relevant for Russia's position in Europe and in the world and for present-day policy decisions or is it just the passing remark of a top diplomat interested in history? Around the globe and especially in Europe you would get very different answers to these questions because there are different national narratives about the end of communist regimes in Europe and the end of a bi-polar world. These are some of the questions I will deal with in my analysis.

In 1989 the end of the Cold War and of the East-West division of Europe did not only change the political, economic and societal per-

¹ *Lavrov S.* Russia's Foreign Policy: Historical Background // *Russia in Global Affairs.* 2016. № 3.

spectives of the European integration project, 1989 also has lasting consequences for European memory patterns. 1989 signalled the end of Post World War Two Europe but it did not immediately become clear what would replace the immediate experience of WW2 as the dominant European memory pattern. Competing interpretations ranged from announcing the “end of history” (Francis Fukujama) and the final victory of a progress-orientated liberal worldview to the “return of history” and of a geopolitical “neo-realism” based on a supposed “clash of civilizations” (Samuel Huntington).

Not surprisingly in the European context the intellectual vacuum left by the demise of communist regimes and the dissolution of multinational states such as the Soviet Union and Yugoslavia resulted in a new attractiveness of old concepts of identity building. Community building around cultural concepts of national memory¹, geography², language and faith gained popularity. In the late 1980ies cities like Berlin and Vienna still built monuments to commemorate the Holocaust whereas from 1990 onwards countries like Poland, Estonia and the Ukraine removed Communist-era memorials only to replace them with monuments to celebrate national heroes. In Poland this included a decent number of monuments in honour of Pope John Paul II.

The battle for the “right” collective memory reveals also basic differences between European countries which resurfaced after the end of the Cold War. The basic trends reveal the differences: Western Europe (especially the United Kingdom) and Russia still strongly relate to the Second World War and the defeat of Nazism. The Mediterranean Europe (Spain, Italy, and Greece) tries to come to grips with Twentieth Century totalitarian experiences in their own countries. Central and Eastern Europe tries to rebuild identity around concepts of repressed nationhood (with the consequence of tensions in neighbourhood relations: Slovakia, Hungary, Romania, Macedonia, Ukraine, and others). These differences are the backdrop of recent political and economic developments in the European Union in connection with economic upheavals, the renewed confrontation with Russia and the

¹ *Hosking G. Myths and Nationhood / G. Schöpflin (ed.). L., 1997.*

² See: *Soja E. W. Postmodern Geographies. The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L. ; N. Y., 1989.*

migration crisis, leading to what might be called a new and robust re-appraisal of “national interests” by many EU-member countries but also by Russia.

Evidently sixty years of European integration did not create an overarching European identity with commonly accepted collective memory patterns. A majority of peoples (and elites) prefer to see their nation as the dominant identity marker. Europe is still an open-ended project of community building and communities are culturally reproduced by means of collective memory. There is no community without shared common memories about the past. Thus politics of memory forms a necessary part of any community building – especially in times of fundamental political and economic changes.

Intellectual responses to 1989

When in 1989 nails were driven into the coffin of the bipolar world it was not immediately clear what this meant for collective memory patterns in Europe. Early indications of how to evaluate the fundamental paradigm shift were soon dismissed as premature or misleading - with the exception of Eric Hobsbawm’s verdict of the end of the “short century of extremes” (1918 to 1989). After twenty-five years of post-cold war Europe there still exist competing liberal and conservative views:

The liberal view concentrates on ethical notions of the spread of democracy and freedom. According to the influential Oxford historian Timothy Garton Ash the story of Europe is the success story of the extension of the area of freedom: “If we are free, we can work with other free people toward a free world. Nothing can stop us, except the walls of ignorance, selfishness, and prejudice...minds build them; minds can knock them down”¹.

The conservative view is much more sceptical and concentrates on “The Return of History and the End of Dreams” (Robert Kagan). The US-American political analyst Kagan sets the tone for the conservative school of “realists”: the triumph of democratic powers in 1945

¹ *Garton Ash T.* Free World. America, Europe, and the Surprising Future of the West. N. Y., 2004. P. 13.

and 1989 “need not be lasting”¹. He quotes Hans Morgenthau who had warned against imagining that at some point “the final curtain would fall and the game of power politics would no longer be played”².

And what happened to the left? In his book “In Defence of Lost Causes” the radical Slovene neo-Marxist philosopher Slavoj Zizek brings the dilemma of the left to the point: “At the level of common sense, the furthest one can go is enlightened conservative liberalism: obviously, there are no viable alternatives to capitalism;... What lies beyond involves a Leap of Faith, faith in lost Causes, Causes that, from within the space of sceptical wisdom, cannot but appear as crazy”³.

In Europe and other parts of the Western world these very different approaches to analyse post cold-war politics have mainly resulted in exploring two possible directions where to look out for “therapies” or common strategies at least to understand the developing new world order. Very much in line with traditions dating back to Greek philosophy most political analysts start to be interested again in the character of human nature. Are human beings, by nature, aggressive, materialistic, utilitarian, and self-interested only? Or are we a fundamentally empathic species as Jeremy Rifkin proposes in his latest book about the “empathic civilization”⁴? Psychological explanations of human history are typical for times of transition and they are necessary requisites in the tool-kit of progressive intellectuals and conservatives alike. At the same time theories of social engineering abound. Catchwords such as “trust”, “nation building”, “civil society”, and “soft power” signify a renewed interest in how societies are constituted and in the emotional bonds which are essential for community building.

On a global level the paradigm change of 1989 comprised not only the end of the post-war division in East and West but also the end of colonial world views. The rise of mainly Asian “emerging powers” and discussions about an “Islamic civilisation” were challenges to

¹ *Kagan R.* The Return of History and the End of Dreams. N. Y., 2008. P. 105.

² *Morgenthau H. J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1948. P. 20.

³ *Zizek S.* In Defence of Lost Causes. L. ; N. Y., 2008. P. 2.

⁴ *Rifkin J.* The Empathic Civilization. The Race to Global Consciousness in a World in Crisis. Cambridge, 2009.

post-1989 convictions that we live in a new age of “one world” dominated by the remaining superpower. America will presumably remain the dominant power for many years. Yet there are a growing number of comments that “Western minds failed to foresee that instead of the triumph of the West, the 1990s would see the end of Western domination of world history (but not the end of the West) and the return of Asia”¹.

Memory patterns in the EU are still strangely detached from these global developments and mostly concerned with the internal complexities of community building in Europe itself. Since 1989 there is all over Europe a renewed interest in politics of memory for identity building but the memory which is conscientiously being reconstructed is mainly about national identity and ideas of ethnicity² and not about Europe’s role in the world.

Major shifts of European narratives since 1989 are attempts to respond to ongoing challenges of a revival of national assertiveness, of renewed interest in different forms of community building from the local to the European level, of immigration from outside Europe, and of the challenge of managing the change from the “Iron Curtain” to a myriad of overlapping borders. This might entail a shift of European master narratives from being based on 1945 to 1918 (from the Second to the First World War) and from 1789 to 1683 (from the French Revolution to the Ottoman Siege of Vienna).

How to live with Politics of Memory and Politics of Identity

The renewed present day cultural discourse on politics of memory and politics of identity is a response to the perception of a historical double denial (denial of space and time) in western civilisation: The 20th Century paradigm of modernity (including communism) relied on linear progress along the lines of speed, growth and uniformity. Globalisation processes increased similarities to the point of the “global village” (death of distance) in all aspects but cultural traditions.

¹ *Mahbubani K.* End of Whose History? Op-Ed Contribution // International Herald Tribune. 2009. 11 Nov. Opinion sect.

² See various articles in: Rückkehr der Geschichte // Transit. Europäische Revue. Frankfurt a. M., 1991. Bdch. 2.

Not unexpectedly it is in Europe after the end of the East-West divide where the increasing speed of change triggered off a roll back towards re-evaluation of cultural heritage (history and geography) and cultural narratives of plurality and differentiation: “*seek and learn to recognize who and what, in the midst of the inferno, are not inferno, then make them endure, give them space*” (Italo Calvino)¹.

The events in Ukraine in 2014, followed by the annexation of Crimea and the conflict in the Donbass, have demonstrated clearly that while the ideological East-West divide of the past might be over, fault lines still remain on our continent. It has proven that the difficult history of Central and Eastern Europe has not ended in 1989, or with the expansion of the EU towards the east. Some even speak of a new Cold War between Europe and Russia. Unfortunately, it is all too easy to fall back into old patterns. Many in the West now perceive Russia as a threat and as a force bringing back instability to the European continent. Some people in Russia on the other hand warn of Europe acting not as an independent actor but rather as an extension of US policy aimed at keeping Russia on its knees and imposing so-called European values not compatible with Russian identity.

History between Community Creation and Enlightenment

Since the end of the ideological East-West division of Europe, history and especially political history have returned in a double-pack: as a mediator of education and as a means to justify community building. With the collapse of totalitarian regimes in Central and Eastern Europe, history once again becomes evidence for both the continuity and learning aptitude of societies.

Since 1989 ideas of history as an instrument of enlightenment have been competing with those of history as a means of creating community consciousness (both on an ethnic and a state level). One of the symptoms of this is that historical taboo subjects are being discussed publicly, with education and collective identity creation increasingly being viewed as complementary. In the process, history can once again become a topic for political crises (e.g. the role of ethnic and

¹ Calvino I. *Invisible Cities*. L., 1974. P. 10.

state communities during National Socialism, and ethnically defensible mass expulsions after the end of World War II). But this also signals that the educational function of history also gains significance in issues related to community creation, not only as an official historiography, but often also as a new assessment of myths. The Western Ukrainian author Juri Andruchowytsh wrote: “We have an excess of mythology. For in this part of the world, history is replaced to some extent by mythology, oral family histories are more important and more credible than textbooks. In the end, even history itself is no more here than a variant of mythology”¹. The Austrian writer Elias Canetti constantly emphasized the ambivalence of the functions of history and its dependence on the current present. And he was highly topical in that matter too: do not accept standstill, regard everything as emergence, and preserve in yourself restlessness towards all facts.

Unfortunately, in the context of current tensions between Europe and Russia, we see tendencies on both sides to present history in a certain light to suit current political needs. In Russia, history has gained an ever more important place in state policy since the beginning of the 2000s. 2013 saw the start of the work on a “unified” textbook on history. 2014 a law was introduced penalizing the negation of the USSR’s victory in the Great Patriotic War and the distortion of facts regarding the activities of the USSR’s army. When the director of the State Archive presented documents last year showing that the story of the “28 Panfilov’s guardsmen” was more myth than historical fact, he was criticized by a government official claiming that head archivists should confine themselves to handling documents, and leave the interpretations to others. Using history in politics is a sensitive subject, misusing it is dangerous. Rather than monopolizing history to create new dividing lines in Europe, politicians and historians should strive to engage in a frank and open discourse. Examples for good practices in this regard are joint commissions of historians, such as the one created in 2007 between Austria and Russia.

The search for European memory patterns has to be seen in the context of the specifics of European integration since 1989.

¹ *Andruchowytsh J.* Das letzte Territorium : essays. Frankfurt a. M., 2003. S. 82.

1. The European integration process after 1945 deliberately avoided cultural issues. Since 1989 the idea of necessary “emotional bonds” (Ralf Dahrendorf: Europe is a cold project) to get popular support for the European project has significantly gained ground (more among analysts than among policy makers).

2. As a result, there is renewed interest in politics of memory, in issues related to identities and borders. At the same time radical political parties gather momentum by mobilising “fears of proximity”.

3. Critical concepts about European traditions and European perspectives all deal with the question of borders. If there is something specific that can be learned from the manifold traditions of European cooperation, then it is the question of how Europe deals with borders, be they internal, external, real, or imaginary. Have Europeans developed a specific ethics of borders? The key question is to understand borders not only as identity markers or as lines of separation between different identities, but to see them as spaces of transition between identities that have something in common. On a continent proud of cultural diversity, it is worth working towards a situation where borders stand for integration and not for rupture. Europe has much to do in order to find some balance between centres and peripheries. Who decides on where the centres or peripheries are in Europe? What is the core of a national or a European identity, and does the centre or the periphery decide on this question?

4. There is a need for European discussions about neighbourhood as a potential for cross-border solidarity and for cross-border conflict. The future of Europe will rather be decided at the peripheries than in the corridors of power in our capital cities. The myriad of visible and invisible borders turns everybody into a neighbour, and may force Europeans to interpret borders as places of transition. Europe revisited may provide exactly this message: borders are unstable identity markers even if they take the very physical shape of a Berlin Wall, or the wall in the Czech town of Usti nad Labem, which was planned to be built in order to separate Roma and non-Roma population.

5. Europe has moved east. The present crisis of the idea of Europe is often interpreted as a belated consequence of the fundamental changes of 1989. After the fall of communism, Europe has not developed

common visions for its future but has been trying to simply enlarge the Western model of European integration.

6. Can all major normative social trends in Europe (notion of sustainability, mobility of labour force and capital, service orientation of society and economy, change towards knowledge based societies, location competition/creative milieus, civil society/social capital, leisure society, and digitalisation) be interpreted as creative rediscoveries of past conditions?

7. Governmental and expert conferences devote themselves to the pursuit of a European idea which would be capable of drumming enthusiasm for the “European Project” into 500 million people. The Austrian writer Elias Canetti probably would have described the narratives that are currently under discussion as an indigestible mixture of illusion and dangerous, new formulae for crowds and power. Popular are stories about “allegedly specific European values” (democracy, market economy and rule of law), “Fortress Europe” (with the keywords “global player” and “most competitive economy”) and about an idea, which has lost its enemy (Communism) and now seeks a new “European soul,” but in the process mainly just encounters new foreign enemies (asylum seekers, Islamists, terrorists). If European stories are reinvented in this way, it is not surprising that the wish of states such as Turkey and Ukraine to become part of the European Union is regarded as a threat by majorities in EU member states. Europe promotes “fear of contact” since it fails to bring about a common idea bearing more than an economic rationale. After 1945, the “rousing” idea of peace and reconciliation between European nation-states marked the beginning of European integration. The fact that Europe overcame her ideological division back in 1989 led to enough enthusiasm to realize 15 years later a substantial enlargement of the European Union to the east.

8. From an Austrian perspective today’s major EU cultural challenges are fully integrating all Balkan countries in the European project, avoiding to use so-called “cultural fault lines” in the context of decisions about future EU enlargements, dealing with migration issues and Moslem populations in Europe not only as potential or real security risks, avoiding either-or situations for European countries between the

EU and Russia, and negotiating with Russia a new and fair partnership which allows both sides more to invest in dialogue than in deterrence.

A New Mapping for Europe

Challenges of globalisation, experiences of the “other” Europe and the potential of cities and regions to make people aware that borders are creative zones of transition create a new quest for politics of identity. Visions of change have to give answers to renewed discussions about geopolitics: return of history and return of geography can be perceived as attempts “to spatialise” memory (Edward Soja). In this new mapping of Europe there is a need for structures (order) which allow for communities with multiple memories and a potential to integrate diversity (language, religion, migration).

European visions beyond globalisation

An increasing accumulation of knowledge of the past (Aleida Assmann) activates the need for complex places of collective memory: at the same time resistant, and open to change, allowing diversity and deviation. The historical dimensions of Europe seem to provide relevant prospects for new visions of Europe. What makes Europe attractive is that this continent can peacefully preserve diverse and often conflicting collective memories, that Europe constantly provides vintage places for social, economic and cultural change and that Europe seems to have developed something like an early warning system for civilisations to stay on a clear agenda of balancing material and symbolic contents.

The success of Europe in the 21st Century will primarily depend on what it can offer as an “imagined space” which is attractive because it promises “heritage”, open access (integration) and functional plurality without giving in on human rights and economic competitiveness.

The positive consequences of the changes in the collective memory patterns in Europe since 1989 are so far mostly challenges: There is significantly more interest in local identities (Europeans may choose from various layers of collective memory including xenophobic versions). A discourse about Europe as a cultural project is unavoidable

(which includes discourses about exclusion). Stronger civil societies may help to better accommodate enlightened views of learning processes on issues such as the “Holocaust” and racial discrimination but more participation of civil society in political processes may also lead to replacing holocaust education by Muslim integration efforts as the prime objective in political education.

All these issues add up to the open question of a clear grand narrative of Europe. The competing concepts range from the story of “the extension of freedom” (to fight against totalitarian orders), to the story of “unity in diversity” (to be able to create a common democratic framework without enforced unification), to the story of her “manifest destiny” to further a peaceful dialogue between civilisations (to maintain and strengthen her role as an enlightened global player) and to the story of a “specific European social model” (to ensure the values of a social market economy in times of economic crisis).

In spite of all the present-day rhetoric about a new Cold War there is a chance that Russia contributes to these grand narratives. In order to further this process the West has to take into account what Foreign Minister Lavrov recently described as the historical background of Russia’s foreign policy when he pointed to “Russia’s special role in European and global history”. According to Lavrov the major Russian historical narratives comprise the following perceptions on which Russian foreign policy has to be based: There have always been European attempts to marginalise and “civilise” Russia. History has shown that a stable and secure world system can only be established with Russia. The prime objective of the US is to maintain world dominance. Only Russia can defeat any negative global dominance (Napoleon, Hitler, US)¹. Are these romantic narratives weaved to support rather prosaic realist goals? Maybe, but we have to take them into account when we discuss memory patterns in Europe.

By strongly criticizing the “exceptionalism” in Lavrov’s historical narrative a researcher at the University of Nottingham claims that historical narratives serve only to justify dry “realpolitik”: “At the end of the day, Russian policymakers are quite rational and primarily care about the survival and well-being of their own state and regime. They

¹ *Lavrov S. Op. cit.*

act within the structural constraints of this order, and will continue to act as Russia's military and economic might permits and her state interest guides. Policymakers in the West would therefore do well to find and spot correctly what these areas of interests are, rather than paying too much attention to narratives, psychoanalysis, cultural identity and so forth, even when they are churned out from Russian politicians as official ideology"¹.

I am afraid I have to disagree. If we like it or not, it would be a tragic mistake to disregard competing memory patterns as significant factors in a world order in transition.

¹ *Sumantra Maitra*. The Deceptively Romantic Historical Musings of the Russian Foreign Minister. URL: <http://warontherocks.com/2016/04/the-deceptively-romantic-historical-musings-of-the-russian-foreign-minister/>

БРИКС ЭМИЛЬ
**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ
ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ**

Ответственный редактор *И. В. Петрова*
Редактор *В. Г. Даниленко*
Дизайнер *А. В. Костюкевич*
Технический редактор *Л. В. Климкович*
Корректоры: *О. В. Афанасьева, Т. А. Кошелева*

Подписано в печать с оригинал-макета 15.06.16
Формат 60×90/16 Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 2,5. Тираж 500 экз. Заказ № 89

Санкт-Петербургский
Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

ISBN 978-5-7621-0881-2

9 785762 108812

**Дипломатическая программа
Международных Лихачевских научных чтений
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДИАЛОГ КУЛЬТУР»**

В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов читается цикл лекций «Международный диалог культур», осуществляемый в рамках Дипломатической программы Международных Лихачевских научных чтений при поддержке Министерства иностранных дел РФ. Лекторы — крупнейшие дипломаты из различных стран мира. Стенограммы лекций публикуются отдельными изданиями.

В этой серии изданы книги:

- ЛЮ ГУЧАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Российской Федерации. «**О внешней политике Китая и китайско-российских отношениях**». 2008 г.
- А. В. ЯКОВЕНКО, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации. «**Альянс цивилизаций и мировая политика**». 2008 г.
- А. ПЕРЕС БРАВО, Чрезвычайный и Полномочный Посол Мексиканских Соединенных Штатов в Российской Федерации. «**Мексика сегодня**». 2008 г.
- В. Л. КИП, общественный и государственный деятель ФРГ, доктор. «**Куда идет Европа?**». 2008 г.
- В. К. СУРДО, Чрезвычайный и Полномочный Посол Итальянской Республики в РФ. «**Внешняя политика и вклад Италии в развитие мировой культуры и современной цивилизации**». 2009 г.
- Ж. ГЛИНИАСТИ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской Республики в РФ. «**Культурное разнообразие**». 2011 г.
- К. А. да Р. ПАРАНЬОС, Чрезвычайный и Полномочный Посол Федеративной Республики Бразилия в РФ. «**Роль Бразилии в международном диалоге культур**». 2012 г.
- А. А. СЕЗГИН, Чрезвычайный и Полномочный Посол Турецкой Республики в РФ. «**Россия и Турция: сотрудничество в межкультурном диалоге**». 2012 г.

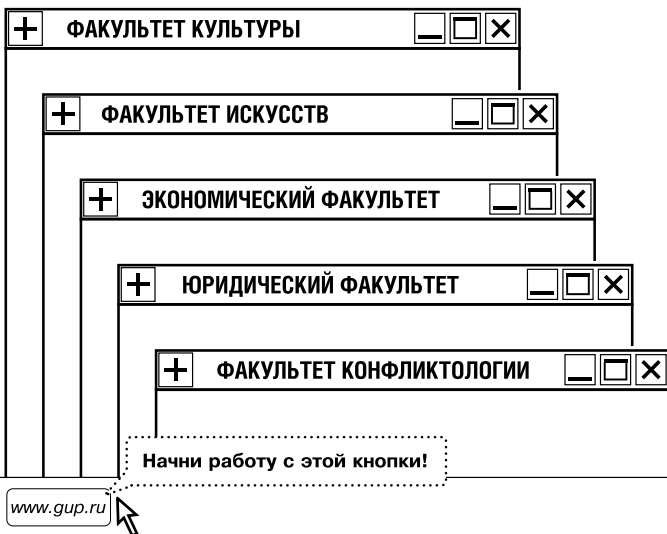
- А. МАЛХОТРА, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Индия в РФ. **«Российско-индийские отношения и международный диалог культур»**. 2012 г.
- П. ХЕЛБГ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Швейцарской Конфедерации в РФ. **«Швейцария и Россия: международный диалог культур и швейцарская культурная политика»**. 2013 г.
- Д. ГОЛЕНДЕР Д., Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Израиль в РФ. **«Международный диалог культур: Израиль и Россия»**. 2013 г.
- П. БЮЛЬБЮЛЬ ОГЛЫ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджана в РФ. **«Международный диалог культур: глобальный контекст и участие Азербайджана»**. 2016 г.
- ПАК РО БЁК, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Корея в РФ. **«Российско-корейские отношения на современном этапе и их будущее»**. 2016 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПбГУП

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие
Д. С. Лихачева

Библиография
Лихачева

Международные
Лихачевские чтения

Декларация прав
культуры

и другие материалы